

Ольга ГУССАКОВСКАЯ

Павел РУМЯНЦЕВ

«ГЛЫБОВСКИЕ АЛМАЗЫ»

Фрагменты киносценария

ПРОЛОГ

Начало XX века. Южная Африка. Алмазные прииски. Дождь.

Гроза. Жёлоб, по которому течёт вода и движется порода.

Вдоль жёлоба стоят рабочие. За ними наблюдают надсмотрщики.

Фон Ленау – один из рабочих. По жёлобу движется кусок кимберлита, в котором вкраплены пять алмазов. Вода то размывает, то закрывает их, поэтому они не заметны другим, но их замечает Ленау. Когда этот кусок поравнялся с ним, неожиданно вспыхивает молния. Надсмотрщики и рабочие невольно поворачиваются в сторону молнии. В это мгновение Ленау хватает кусок и прячет его за пазуху. Молния и раскаты Грома проходят, и все вновь возвращаются к своему труду...

Затем появляется пятёрка алмазов на экране, переливаются грани, алмазные блики...

...идёт название фильма: «ГЛЫБОВСКИЕ АЛМАЗЫ»

(титры)

(голос за кадром)

Среди горняков алмазных копей ходит поверье: примерно раз в сто лет люди находят удивительную алмазную пятёрку – пентакль. Пять совершенно одинаковых алмазов чистойшей воды в одном куске породы. Они могут быть не так уж и велики, но камни эти невыразимо прекрасны и притягательны. Потому цена им выше многих гигантов. По легенде голубой пентакль украшал древнюю корону английских королей и наделял её носителей вещей мудростью. Камни те пришли из глубокой древности и якобы некогда найдены были в коях царя Соломона.

Корона эта исчезла бесследно во время восстания Кромвеля. Дошны англичане не теряют надежды обрести её снова: она где-то спрятана.

Однако сияющая алмазная пятерка продолжает манить людей и время от времени попадает к ним в руки и сегодня.

1 СЕРИЯ

Начало XX века. Россия.

Весеннее утро. На невысокий холм, треща и смердя немилосердно, карабкается автомобиль.

За рулём Фон Ленау. Пассажиры – оба Алeneвых. На шофёре, как положено, огромные очки-консервы и кожаная куртка. Ему жарко: на остром носу повисла капля пота...

Аленевы в английских кепи и макинтошах-пыльниках.

АЛЕНЕВ. (самодовольно) Признайся, Вольдемар, ты и не ожидал, что отец тебя на таком чуде с поезда встретит?

ВЛАДИМИР. Сколько можно просить: не называйте меня так... Я крещён Владимиром, и это имя мне нравится...

АЛЕНЕВ. Ну, хорошо, хорошо. Будь по-твоему... Но неужели ты не восхищён моим мотором? Сидишь скучный...

ВЛАДИМИР. Отчего... мотор любопытный...

АЛЕНЕВ. (восторженно) Вот! Недавно приобрёл на Нижегородской ярмарке... вместе с немцем... Эй, как тебя? Всё не выговорить.

ФОН ЛЕНАУ. Их бин Генрих фон Ленау!

АЛЕНЕВ. Я тебя Геннадием буду звать! Чего там... Генрих! Мне так больше нравится!

ФОН ЛЕНАУ. Абер... мейне наме Генрих... Генрих фон Ленау!

АЛЕНЕВ. Да будет тебе (бесцеремонно хлопает немца по плечу). Генрих-Геннадий! Какая разница! Не обижайся!.. Слушай, обучишь меня на этой диковине ездить?

ФОН ЛЕНАУ. (после паузы, подавляя обиду) Айнферштанде! Согласен!

АЛЕНЕВ. Прекрасно! Зер гутт! (смеётся) А что это за рычажок? (пытается нажать, немец убирает его руку)

ФОН ЛЕНАУ. Найн... потом, Петр Афанасьевич!

(Аленев слушается, и немцу это по нраву)

АЛЕНЕВ. (переключаясь на Владимира) Но каков мотор, Воль... .. Владимир! Каков мотор! Поди в самом Питере таких-то нет?

ВЛАДИМИР. В Петербурге? Право, не знаю... Как-то не замечал...

АЛЕНЕВ. А! Что я говорил!

ВЛАДИМИР. Ах, отец, вечно вы чем-то увлекаетесь!.. Хотя мотор – это достаточно безобидно... Если бы все, подобно вам, стремились только к новшествам техники, прогресса, а не занимались бы государственным переустройством России... Представляете, в Петербурге появились тайные кружки, в которых рабочим внушается мысль, что они могут управлять государством!..

АПЕНЕВ. Что за вздор!

ФОН ЛЕНАУ. О, йа! В Германии тоже имеются социалисты, абер... но это пустяки, несерьёзно!

АПЕНЕВ. Немец прав! Да ведь и государь есть, он не допустит крамолы!

ВЛАДИМИР. Не уверен! Боюсь, Россия заболевает опасной болезнью – всеобщим увлечением политикой.

АПЕНЕВ. Это все ваши студенческие излишества... Мечтания и метания. Вот отдохнёшь у нас в покое... (без перехода, тут же к немцу) Слушай! Слушай! Ген... Генрих, так ты это... вправду в Африке бывал?

ФОН ЛЕНАУ. (оживляясь) Вирклих! Конечно! Мы добывали алмазы... унд... началась война с англичанами... я вынужден бежать... долго скитался...

АПЕНЕВ. И оказался в Нижнем! Молодец! А быстрее можешь?

ФОН ЛЕНАУ. Геферлих! Опасно!

АПЕНЕВ. Не боись!

Автомобиль как раз взбирается на вершину холма. Слева несколько деревенских баб сажают капусту. Справа – болотце в камыше. Увидев автомобиль и принимая его за чудище, бабы поднимают немыслимый визг:

– Помогите! Бесы! Бяжымте! Помогите!

Несутся кто куда, падают... Переполох!

Немец выпускает из рук руль и автомобиль, вильнув, скатывается прямёхонько в болотце. В довершение из камышей с диким ором вылетает утка.

Аленев ошеломлённо замер.

ФОН ЛЕНАУ. (бормочет) Доннер веттер! Я бы успел объехать, а им, русским, – быстрее, быстрее...

Владимир хохочет.

АПЕНЕВ. (осматривается) Да...а! Сами-то не выберемся! (к немцу)

Ты... в общем вон той тропой иди, тут до Глыбовки рукой подать. Скажи, пусть сосед лошадей пришлёт... А я, пожалуй, достану погребец пока... Ты как насчёт коньяка, Владимир?

ВЛАДИМИР. Спасибо, отец! Я лучше немного пройдусь...

Фон Ленау, взбешённый, идёт по тропе, останавливается.

ФОН ЛЕНАУ. О, майн Готт! Быстрее... Шнеллер, шнеллер! Но ничего, только в России с её беспорядком я и смогу снова стать достойным сыном баронов фон Ленау! Я осуществлю свой план!

Осторожно достаёт и кладёт на ладонь кусок породы с сияющей пятёркой алмазов. Любуется и надувается спесью, лицо его становится злым, сосредоточенным.

Но вот он быстро прячет алмазы, потому что услышал или, скорее, почуял что-то. Густые ольховые кусты перед ним раздвигаются почти бесшумно и оттуда выглядывает невероятно ехидная рожа.

ЛЕНАУ. (встревожено) Ты... кто? Ты... что?

Неведомый человек молча поднимает руку и показывает ему «нос», ловко шевеля пальцами. Ленау секунду смотрит на него недоумённо, потом плюет на землю.

ЛЕНАУ. Тьфу! Дурак! Думкопф! А я подумал...

Человек в кустах строит рожу.

СВЯТОПУП. Петух думал. Да в суп угодил! А там горячо... ох, как не сладко! Пуп! Пуп! Святопуп! Не хочу в тот суп!

Исчезает так же внезапно, как и появился.

Ленау некоторое время стоит, чего-то ещё ожидая. Тишина. Он идёт дальше.

Владимир идёт по весеннему лесу, но не видит прелести пробуждающейся природы...

Во двор вкатывают запряжённый лошадьё и подталкиваемый сзади деревенскими мужиками автомобиль.

Рядом идут Глыбов, Аленив, Владимир. Фон Ленау за рулём. Слышны голоса мужиков: «Стой! Распрягай!»

Аленив и Глыбов разговаривают между собой.

АЛЕНЕВ. Ах, Василий Андреевич! Мы мчались словно ветер! И вот такое происшествие! Доставил тебе хлопот!

ГЛЫБОВ. Что вы, Пётр Афанасьевич! Вы меня нисколько не стеснили! Я отчасти рад даже оказии... Давно мечталось мотор посмотреть... Наслышан.

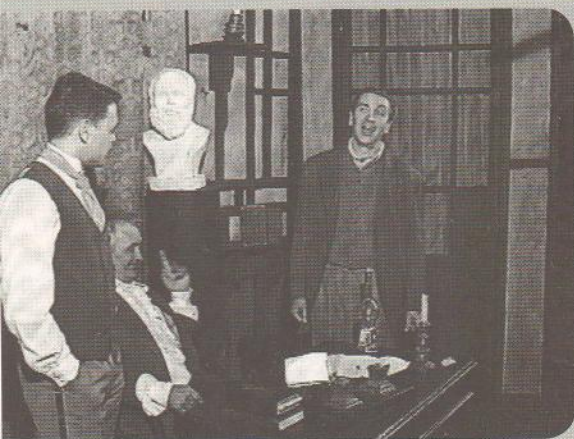

АЛЕНЕВ. (гордо) Ну и как?

ГЛЫБОВ. Диковинная штука! Но скажу тебе без обид, сосед, для России они негодны... Коляска и та застрекает на наших дорогах, а уж эти моторы!.. Разве что в Петербурге или в Москве по торцам раскатывать...

АЛЕНЕВ. Ты ошибаешься, Василий Андреевич!

ГЛЫБОВ. На предмет дорог? Да, Бог с тобой! Всю Россию торцами не вымостишь, а у нас и гать-то простая не через каждое болото проложена. Поди-ка убедился?

Актёрские пробы к фильму

Аленев и Евлампия Ильинична.

АЛЕНЕВ. (в руках у него конверт) Нам отказали в продлении залога на имение!

ЕВЛАМПИЯ ИЛЫНИЧНА. (равнодушно) Да.

АЛЕНЕВ. Очнитесь вы, Евлампия Ильинична, от ваших дурацких врачеваний! Мы разорены! Петербургский дом заложен! Сидоровское продано. У нас почти ничего не осталось! Одна Аленевка. И если залог не продлят – то всё! Крах!

ЕВЛАМПИЯ ИЛЫНИЧНА. А что вы на меня кричите, Пётр Афанасьевич! Можно подумать, что это я, а не вы, прокутили всё моё приданое... Веселитесь, покупаете моторы...

АЛЕНЕВ. (более сдержано) Всё-всё... теперь не до моторов... Надо

что-то придумать... хотя бы возобновить кредиты...

ЕВЛАМПИЯ ИЛЫНИЧНА. Кто вам поверит?

АЛЕНЕВ. Что делать? Что Делать?

Фон Ленау под окном всё слышит, загадочно улыбается, словно он знает, что делать.

Кабинет Аленева. Входит Ленау.

АЛЕНЕВ. Вот что, голубчик, ты мне больше не нужен. Отправляйся обратно в Нижний!

ФОН ЛЕНАУ. Но, Пётр Афанасьевич, как же так? Вы хотели научиться управлять мотором!

АЛЕНЕВ. Я передумал. Ступай!

ФОН ЛЕНАУ. Значит, прогоняете?

АЛЕНЕВ. Да.

ФОН ЛЕНАУ. Жаль... Мне у вас здесь понравилось... Ландшафт изумительный... Да и места у вас здесь богатые... (достаёт кимберлит с проблесками алмазов) Вот, нашёл, интересный камень... Хотел вам показать...

АЛЕНЕВ. И что? Мало ли камней на дорогах валяется!

ФОН ЛЕНАУ. Это не простой камень, Пётр Афанасьевич. Кимберлит. Алмазная порода! Когда я был в Африке, то научился различать их. Здесь должно где-то быть месторождение алмазов?

АЛЕНЕВ. Постой-постой! И где ты, говоришь, это нашёл?

ФОН ЛЕНАУ. В луже валялся... Должно быть, дождями или талой водой принесло.

АЛЕНЕВ. А ты уверен? Думаешь, на моей земле могут быть алмазы?

ФОН ЛЕНАУ. Не знаю... По одной находке трудно судить, но... могу вам, Пётр Афанасьевич, поискать здесь алмазы, я кое-чему обучен.

АЛЕНЕВ. А ведь это спасение! Немец, брат, дай я тебя расцелую! Ты не представляешь, как это кстати!

ФОН ЛЕНАУ. Если кимберлит на поверхность выходит, то и затрат особых не надо...

АЛЕНЕВ. Ай, да замечательно! (разглядывает камень) А это что блестит?

ФОН ЛЕНАУ. Знак! Крошечные алмазы!

АЛЕНЕВ. Здорово!.. Неужели опять выкручусь?!

ФОН ЛЕНАУ. О чём вы, Пётр Афанасьевич?

АЛЕНЕВ. Не твоего ума дело! Оставайся!.. Мотор пока забрось, не до него... Займись поисками этого... ким...

ФОН ЛЕНАУ. Кимберлита.

АЛЕНЕВ. Гм-м! На моей земле – алмазы! Кто бы мог подумать!

Немец стоит, не уходит.

АЛЕНЕВ. Ну, чего тебе?

ФОН ЛЕНАУ. Я, пожалуй, в Нижний вернусь!

АЛЕНЕВ. Это ещё почему? Я же сказал – оставайся! Ты в этих алмазах соображаешь, в Африке бывал, видел всё: как добывать, что к чему... Найдёшь, я тебе и денег заплачу!

ФОН ЛЕНАУ. Воля ваша, но я не об деньгах хотел просить.

АЛЕНЕВ. А что ещё?

ФОН ЛЕНАУ. Не могу я, Пётр Афанасьевич, на положении слуги оставаться! Люди потребуются для разработки, а кто меня послушает? К тому же, я ведь тоже из дворян. Майне фатер вар... из остзейских баронов!

АЛЕНЕВ. Гм-м!

ФОН ЛЕНАУ. Так что я всё-таки в Нижний вернусь... А специалиста по добыче алмазов вы себе из Англии выпишите...

АЛЕНЕВ. Да ты что, сдурел! На это полгода уйдёт! (пауза) Ладно! Будь по-твоему, согласен! Только смотри у меня!

ФОН ЛЕНАУ. Не беспокойтесь, Пётр Афанасьевич!

Откланивается, уходит. Алениев самодовольно улыбается.

Владимир у себя в комнате. Это бывшая детская. Кровать большая, заправлена белым пикейным покрывалом, взбитые пуховые подушки с накидушками. Шторы на окнах тоже светлые. На одной из стен – детский портрет Владимира. Печь с изразцами. Закрытый шкаф. И лишь современный небольшой диванчик и стол позволяют подумать, что это жилище молодого человека.

Владимира же его комната приводит в умиление.

ВЛАДИМИР. Ах, как хорошо дома! Как хорошо! Не то, что в Петербурге... (разбирает дорожные вещи) Петербург, Петербург...

В руки ему попадает миниатюра. Финифть, отделанная серебром. На миниатюре портрет молодой женщины (Сесиль Жаме)...

Владимир вздрагивает, его руки дрожат. Портрет падает...

(блики, затемнение...)

Санкт – Петербург. Грим-уборная Сесиль Жаме. Достаточно велика – это место примадонны. Общее впечатление блеска и нищеты, ибо хотя подарков много (вазы, шкатулки, картины, а всего более – венки), всё это для «блезира»! Поражает воображение серебряный венок, на согнувшейся ленте которого читается: «несравненной»... Но он слишком велик для настоящего серебра.

Идёт спектакль, но в этом акте Сесиль не занята. Одно переливчатое платье небрежно сброшено, другое аккуратно разложено на кресле.

Перед зеркалом у столика сидит в богатом пеньюаре та самая женщина, чьё лицо возникло перед Владимиром.

Но не та! Нет сияния глаз, она устала и вовсе не так молода. Кружев на пеньюаре многовато, а декольте – великовато.

Перед Сесиль чашечка кофе, но из вазы на углу столика предательски выглядывает горлышко коньячной бутылки.

В комнате она не одна. Бесшумно двигается, убирая ненужное, безвозрастная женщина в строгом, тёмном, особо аккуратном платье. Волосы на затылке шишом. Бледное и острое лицо.

Кто-то всего дважды требовательно постучал. Сесиль делает жест рукой – не пускать – но женщина не успевает подойти к двери.

Створка распахивается, и мы сначала видим необычный букет. Он совершенно плоский, собран из мелких цветов, составляющих геометрический узор, обернут кружевной папиросной бумагой, а держится на изящной резной ручке.

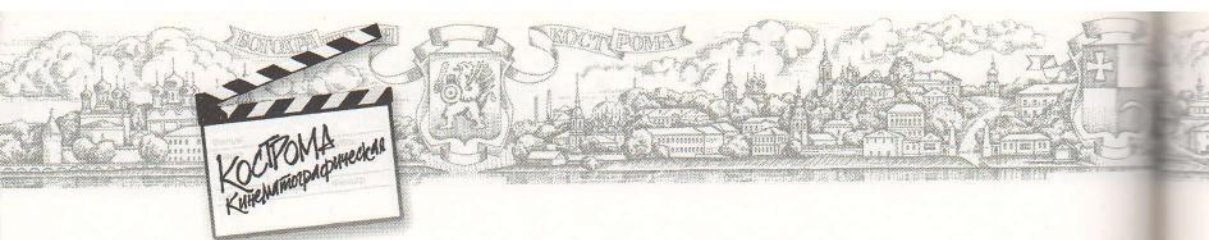
Букет этот в руках очень приличного (вроде бы!) господина неопределённо средних лет в тёмной тройке. На жилете золотая цепочка от дорогого брегета, но на ней легкомысленный кокетливый брелок – женская ножка, теряющая туфельку. По осанке видно, что господин привык к вицмундиру и немалым чинам. А ещё: долго и небезуспешно занимался саморазрушением.

Сесиль мгновенно и очень красиво вскакивает, двигается она пре-красно. Лицо вспыхивает гневом и хорошеет:

ЖАМЕ. Вы полагаете, звание генерала даёт право без спроса входить в любую дверь?

ВЕРТЕНИН. (протягивает ей букет) Только в ту, где обитает красота! Только в ту! Каюсь! Простите, божественная! О, Сесиль!

Жаме берёт букет и небрежно швыряет его на пуфик. Гость тут же

завладевает её рукой. Целует пальчики, потом сгиб локтя и тянется к плечу.

ЖАМЕ. (отталкивая его) А вы шалун, Валериан Евграфович!

Вертенин замечает чашку кофе на столе, расплывается в улыбке:

ВЕРТЕНИН. Фея пьёт кофея! Бон мо! Надо запомнить...

Становится ясно, что он «хорошо пообедал», а попросту – пьян.

Повторяет:

ВЕРТЕНИН. Фея пьёт кофея!..

И опять тянется к плечу, но на этот раз получает уж очень решительный отпор. Лицо Сесиль каменеет, глаза недобро вспыхивают:

ЖАМЕ. Ваше превосходительство, коль уж вы так негаданно нагрнули, я думала, что вы пришли не с букетом от Бидермейтера, а с обещанным письмом от Дирекции императорских театров... Где оно? Долго ли ещё ждать прикажите?

ВЕРТЕНИН. Божественная! Не надо гневаться... выслушайте сначала!

Генерал собирается внутренне, явно трезвеет, ибо разговор у него есть. Это уже другой человек – привычный начальник многих людей.

ВЕРТЕНИН. Дело в том, мон анж, что меня переводят по службе на новое место: вице-губернатором в Княжевск. Я буду там полным хозяином положения... тамошний губернатор стар и глуп. А ты станешь единственной примадонной театра. Он там хорош...

ЖАМЕ. (театрально хватается за сердце) Я?! Примадонна в Княжевске!? Это сумасшествие! На гастролях я там побывала, но служить постоянно... Мои родители – парижане, вы должны помнить это. Я выросла в Петербурге. Мне без столичного воздуха нечем дышать! А вы... Вон отсюда, жалкий селадон!

Жаме хватается за букет, он летит к порогу. Гнев актрисы выглядит столь убедительно, что его превосходительство испуганно пятится и исчезает за дверью.

Наперсница сначала подбирает букет – цветы от Бидермейтера стоят недёшево. Потом успевает перехватить руку примадонны, потянувшуюся за коньяком.

ПОЛИНА. Симка, уймись, дура неудобная! Или запомнила, что твой Париж – на Лиговке, да в модной лавке мадам Транже? Больно уж возомнила о себе много!

Сейчас перед нами не служанка, а сильная, умная личность. Сесиль опять садится у столика.

ЖАМЕ. Заткнись! Все я помню! Куда коньяк понесли? Дрвань в кофе...

В дверь опять стучат. На этот раз очень вежливо.

ЖАМЕ. Господи, кто ещё там!? Спроси, что надо – и вон!

Но на пороге Владимир. Изящный, в очень дорогом мундире тонкого сукна, правый отворот отогнут нарочно и видна белая подкладка. Лицо... какое-то внутренне взъерошенное, напряжённое. Он мучительно улыбается.

Сесиль вскакивает прежде, чем он успевает слово сказать и опять дивная перемена – сияющая красота и молодость!

ЖАМЕ. Вольдемар!? Боже, как я рада! Как мило, что ты пришёл... Я не ждала тебя сегодня...

Протягивает ему обе руки, которые он начинает упоённо целовать. Внезапно она кошачьим движением приближается и на секунду её почти обнажённая грудь касается его головы.

Тут же она опять на расстоянии вытянутых рук, которые он сжимает. Глаза у Владимира обезумевшие.

Но он вспоминает о чём-то, отпускает её и достаёт из кармана бархатную коробочку – из тех, в которых бывают драгоценности. На крышке – золотая монограмма поставщика императорского двора.

Протягивает коробочку Сесиль.

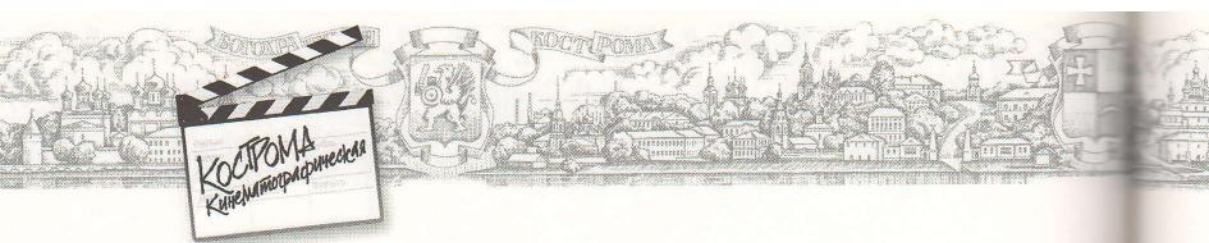
ВЛАДИМИР. Вот... Это тебе... я хотел... Нет, я хотел бы всегда оставаться возле тебя, но отец вызывает меня к себе в имение, я не могу послушаться! В университете студенческие волнения, он боится, что я... Напрасно! Но ему надо объяснить, мы должны с ним свидеться... А ты как-то говорила, что хотела бы иметь браслет от Фаберже... Я заказал...

ЖАМЕ. (открывает коробочку и вполне искренне ахает) Мон дье, какая прелесть! Но... это же должно безумно дорого стоить? Ты так богат?

Владимир неловко ёжится.

ВЛАДИМИР. Не я... Отец. Но он мне ни в чём не отказывает... Я – единственный сын и вовсе не кутила. Действительно хочу стать юристом, но всё осложнилось... Какие, Господи, это пустяки перед тем, что нам придётся расстаться!

ЖАМЕ. (обнимает его страстно и целует) Ведь ещё не сегодня, не сегодня, мое сокровище, мон бижу! Ты придёшь?

ВЛАДИМИР. (тоже целуя её самозабвенно) Да, да...

И Владимир, кажется, готов упасть с ней прямо на ковёр, тем паче, что наперсница как бы растворилась в воздухе.

Но в дверь опять стучат.

Сесиль мгновенно берёт себя в руки. Владимир тоже, но с явным трудом.

ВЛАДИМИР. До встречи! (неловко прощается и уходит)

За дверью на сей раз всего-навсего театральная рассылка с тетрадкой роли, свёрнутой трубочкой.

ЧЕЛОВЕК ТЕАТРА. Велели передать-с!

Привычно получает гривенник от вновь возникшей наперсницы и исчезает.

Сесиль улыбается, берёт тетрадку.

ЖАМЕ. Наконец-то! Конечно, это роль Анжелики... (и вдруг лицо её бледнеет и стареет мгновенно) Что?! Мадам Лоран?! Они что там, с ума посходили, что ли?! Полина, догони его и... Я им покажу, как шутить с Сесиль Жаме!

Наперсница не двигается с места.

ПОЛИНА. Чего покажешь-то? Кому? Дура неудобная... Чай, они-то знают, что тебе тридцать... Благодарю Бога, что не гонят, а «переход» сделать дают. Всё при театре останешься, а не опять в шантан пойдёшь!

Сесиль качает головой. От явно нахлынувших тяжких воспоминаний лицо её леденеет...

ЖАМЕ. Ну, уж нет! Только не это! Женю на себе Вольдемара – вот и выход. Мало что красив, так ещё и богат! Решено: еду в Княжевск! В конце концов, это ненадолго. С его деньгами я и в Париже место найду!

ПОЛИНА. (по-прежнему кривится) Да разрешат ли ещё ему жениться-то на тебе?

ЖАМЕ. Не разрешат? Это мы ещё посмотрим!.. Да... а где у нас телефон этого старого павиана, его превосходительства? Вот теперь-то он мне нужен...

(затемнение)

Владимир у себя в комнате. Поднимает оброненную миниатюру. Не глядя на него, прячет портрет в стол. Делает это решительно, быстро запирает ящик и облегчённо вздыхает. Его лицо светлеет, тяжёлые думы отходят, появляется улыбка.

ВЛАДИМИР. А милая эта Варенька! Надо непременно ещё раз наведаться в Глыбово, непременно...

Обед в доме Алeneвых. За столом Евлампия Ильинична, Пётр Афанасьевич, Владимир. Слуга Степан стоит в стороне, он ждёт, когда прикажут подавать блюда. Евлампия Ильинична разливает первое из супницы. Владимир в хорошем, весёлом настроении, начинает есть.

ВЛАДИМИР. Ах, как я соскучался по домашней простой пище! О-о, вкусно! Ушица-то алeneвская! Такой у Донона не подадут!

Аленев и Евлампия Ильинична молчат, чувствуется напряжённость между ними.

Неожиданно входит Фон Ленау. Он в потёртом сюртуке, но видно, что пытался его почистить, аккуратность на ветхом костюме и обуви.

ФОН ЛЕНАУ. Гуттен таг! Добрый день! Прошу прощения, что опоздал. Изучал окрестности. Ландшафт!

Проходит и садится на свободное место, он наверху блаженства!

(пауза)

Владимир удивлён, что немец присутствует на семейном обеде, прекращает есть и вопрошающе смотрит на отца.

Аленеву неприятен взгляд сына, однако он твёрдо произносит:

АЛЕНЕВ. Я пригласил!

Владимир молча встаёт из-за стола и уходит.

Евлампия Ильинична нервно водит ложкой по тарелке. Слуга Степан с одобрением смотрит вслед Владимиру.

ФОН ЛЕНАУ. (нарочито уверенно) Ничего! Привыкнет!

Аленев напряжён, его бесит поведение немца, с трудом сдерживая себя, он спрашивает:

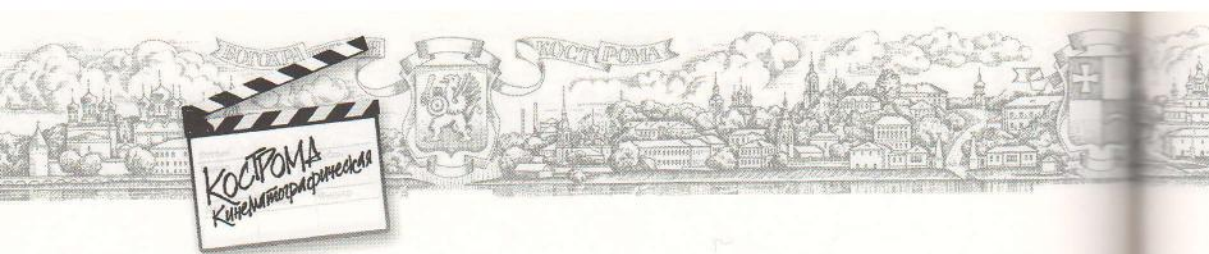
АЛЕНЕВ. Ну?! Нашёл!?

ФОН ЛЕНАУ. О, йа! Дорт... там за холмом, где большие камни... Точно... там будем искать!

АЛЕНЕВ. Смотри у меня!

Фон Ленау понял, что переиграл, становится прежним, угодливый.

ФОН ЛЕНАУ. Не беспокойтесь, Пётр Афанасьевич! Я своё дело знаю. Прикажите завтра рабочих послать... (и тут же высокомерно обращается к лакею) Эй, что там у тебя? Положи!

Кабинет Аленева. Очень строгий, но делалось всё давно и кем-то другим. Книги в тёмных шкафах мертвы, а на удобном письменном столе горка трёпанных желтых томиков Поль де Кока. Вот это читают сегодня...

Аленев в кресле. Владимир входит и останавливается, опершись на край стола.

Аленев молчит, вертя в руках безделушку. Он вообще человек мгновенных настроений, иногда взрывчатый, но чаще нерешительный.

ВЛАДИМИР. Так в чём же дело, отец, что происходит у нас в доме? Откуда взялся этот ловец удачи и за что ему такая честь? Объясни, будь добр!

Аленев бросает безделушку и начинает дёргать пальцы:

АЛЕНЕВ. Владимир... Во... лодя! Дело в том, что мы разорены! Или... или почти... но это не меняет ничего!

Владимир отшатывается от стола, бледнеет:

ВЛАДИМИР. Разорены?! Мы?! Но... «аленевские миллионы» деда, я только и слышал о них с детства?! Куда они делись? Столько... да просто невозможно было истратить при всех твоих причудах!

АЛЕНЕВ. Банк! Ты помнишь... все газеты о нём писали... Чудесный Орловско-Курский банк с огромными процентами! А у меня в Малороссии почему-то передохли австралийские мериносы... столько убытков! И... мне посоветовали, да, да, очень умные люди, вложить деньги в этот банк. Дело поправилось бы за год. А он... лопнул! И... вот! Аленька заложена тоже. Кредит нам не продлевают. Пойдёт с торгов... Я уже говорил твоей матери... ей всё равно, не хочет слушать... лишь бы со своим «лечебником Бухана» возиться... Но ты-то должен понять!.. А этот немец... Он добывал алмазы в Южной Африке, знает дело... Так вот, на Глыбищах, где разъезд, он обнаружил кимберлит, алмазную руду! Там миллионы, Владимир! (оживляется, говорит вновь с увлечением, азартно) Мы снова разбогатеет, встанем на ноги! (после паузы, сникая) Но... я буду вынужден считаться с ним... Правда, Владимир, он не из простых... из остзейских баронов... И всё же мне трудно, ох, как трудно...

ВЛАДИМИР. (осуждающе) Да... Тебе трудно! Действительно, нужно было много потратиться, чтобы довести наши дела до полного краха! Но ты это умеешь!.. Ах, как я понимаю теперь, почему тебя в семье звали «Анфан террибль» – ужасный ребёнок! Ты им остался навсегда!.. Привёл наш род к разорению...

АПЕНЕВ. (ему неприятно от слов сына, пытается защититься) Но все ещё можно поправить!

ВЛАДИМИР. А... немец! Вот что: вели его позвать, я сам хочу с ним поговорить.

Аленев даже рад такой просьбе сына. Тут же звонит в колокольчик.

Появляется Степан.

АПЕНЕВ. Степан, позови немца!

Степан послушно кивает, закрывает дверь и почти тут же является фон Ленау. Похоже, что он находился нарочно неподалёку. Вид его достаточно самоуверенный.

ФОН ЛЕНАУ. Гуттен таг, майне херрен! Я догадываюсь: меня позвали не для пустых слов?

ВЛАДИМИР. (не отвечая на приветствие) Это зависит от того, что скажете нам вы? Предупреждаю: я не так уж легковверен, как вам бы хотелось.

ФОН ЛЕНАУ. (тонко улыбается) О найн, нет! Я буду говорить очень серьёзно. Рихтиг! Место, которое вы зовёте «Глыбищи», есть «горло» алмазной трубки. Выход очень древних пород... Вот образец, я нашёл вчера!

Протягивает Владимиру кусок породы, где блестит друза горного хрусталя.

ВЛАДИМИР. (пожимает плечами) Горный хрусталь! Да я сам сколько угодно таких «драгоценностей» находил на Глыбищах в детстве! И все деревенские ребята тоже... Это же не алмазы!

ФОН ЛЕНАУ. (согласно кивает) Яволь! Абер... вот, что идёт следом за ними! Вы не обращали внимания, оно обычно не блестит...

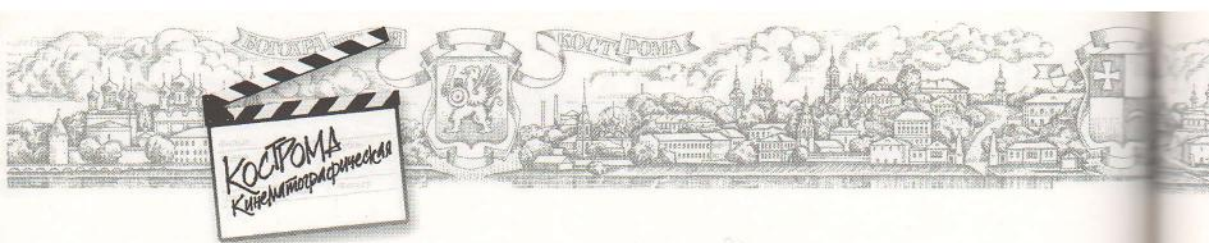
Достаёт и показывает тот же кусок кимберлита с крошечной искоркой алмаза. Она вспыхивает в руках Владимира. Тот меняется в лице.

ВЛАДИМИР. И... это тоже там, на Глыбищах?!

ФОН ЛЕНАУ. (доволен эффектом) Рихтиг! Безусловно! (развивает произведённый успех) Притом близко! Можно начать добычу открытым способом, я говорил вашему отцу...

Аленев согласно кивает головой. Владимир разглядывает кусок породы.

ФОН ЛЕНАУ. (тонко играя) А вообще... как повезёт... Алмазы, так

говорили в Африке, капризны, словно женщины. Их появление непредсказуемо... А что касается меня: я не навязываю свои услуги... Пётр Афанасьевич сами попросили!

АЛЕНЕВ. (подтверждает) Да!

Владимир побеждён. Ему нечего возразить, он только, не замечая этого, нервно дёргает плечом, наконец, произносит:

ВЛАДИМИР. Ну... если так...

Аленев облегчённо вздыхает и тянется за сигарой. Фон Ленау одновременно с ним бесцеремонно берёт сигару тоже.

ФОН ЛЕНАУ. Так вы распорядитесь насчёт начала работ, Пётр Афанасьевич! Смета – вот, битте! Я всё просчитал и это не есть дорого. Как это по-русски? Игра стоит свеч? Ну да... Лучше: стоит алмазов? Отлично! Хорошо сказано! Ауфвидерзеен, майне гнедиге херрен!

Фон Ленау уходит. После его бодрого ухода в комнате зависает тяжёлое молчание. Аленев держит в руке сигару, забыв, зачем её взял, а Владимир стоит, опустив плечи с погасшим лицом. Впечатление, что он разом прожил лет пять... Он другой и уже не станет прежним белоподкладочником...

Княжевск. Кабинет вице-губернатора. Великолепный вид на Волгу из окон. Но двоим в кабинете не до красот.

Сесиль Жаме разъярена, как кошка, а Вертенин жмётся в кресле.

ЖАМЕ. Итак, ваше превосходительство, по вашему приглашению я прибыла в Княжевск и что застала?! Антрепренёр сбежал со всей кассой, артисты бедствуют, театр чуть не в руинах... И это здесь я должна стать примадонной?! Или мне отводилась с самого начала только роль вашей обже!? Так не жирно ли будет? Я – актриса! Это прежде всего и навсегда! Что сказать изволите?

ВЕРТЕНИН. (хватается за виски) Мон дье, мадмуазель! Если бы здесь один театр был в руинах, я бы назвал это счастьем... А тут не знаешь, за что хвататься: вертеп! Все разворовано, разорено! А его высокопревосходительство, наш губернатор, вышивает шёлком картинки. Большого достиг успеха! Чего, чего вы от меня хотите в этой ситуации, мон анж?! Я бессилён!

В дверь заглядывает хитрющая рожа секретаря с седыми висками. У него в руках бумага. Увидев даму, готов ретироваться, но его останавливают.

ВЕРТЕНИН. Что там у вас, Лежнев? Давайте!

Тот, косясь плотоядно на Жаме, отдаёт бумагу и уходит.

Вертенин читает, пожимает плечами, трясёт головой.

ВЕРТЕНИН. Час от часу не легче! Донесение из Глыбовского уезда...

Тамошний помещик Аленив алмазы сыскал на своей земле и добывать собирается! Не иначе наливкой опились!

Сесиль Жаме оживляется.

ЖАМЕ. Аленив? Я знавала одного Аленива в Петербурге... студента. Вот (небрежно взмахивает рукой) это он подарил мне браслет от Фаберже... Смешной мальчик! Аленивы – богатые люди, зря делать ничего не станут. Там что-то есть! Ваше превосходительство, мы едем! Хоть недолгое избавление от здешней стылой скуки.

ВЕРТЕНИН. (в растерянности) Мы?! Я – это понятно, хотя и то... чего ради? Но вы-то каким образом, мон шер?

ЖАМЕ. Обычным, Валериан Евграфович! Таким же, как нахожусь сейчас, в присутственное время, в вашем кабинете. Актрисе можно всё, а остановить меня непросто. Пора бы вам это понять... ма пер!

Рощица возле дома Глыбовых.

Варенька и Владимир бредут по аллее, о чём-то оживленно беседуют. Владимир нежен и заботлив, нагибается и срывает весенний цветок. Дарит его Вареньке. Та принимает подарок и бежит по тропинке. Владимир за ней, догоняет, обнимает, хочет поцеловать Вареньку, но та уклоняется, и его поцелуй приходится на цветок. Варенька смеётся, отбегает. Останавливается и тоже целует цветок. На её лице счастливая улыбка. Владимир медленно идёт к Вареньке. Девушка не двигается, ждёт. Владимир обнимает и целует её уже по-настоящему. Варенька вспыхивает. Это первый поцелуй в её жизни!.. Затем она отталкивает Владимира и бежит домой.

Владимир провожает её нежным и счастливым взглядом.

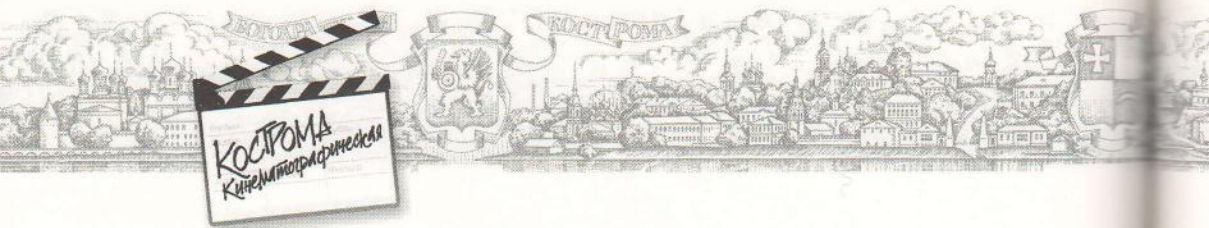
(эпизод снимается под музыкальное лирическое сопровождение)

В столовой подан «гостевой завтрак» с наливками, домашними колбасками и т. п... За столом явно испуганный Аленив, растерянная Евлампия Ильинична, вполне обжившийся немец.

ЕВЛАМПИЯ ИЛЬИНИЧНА. А где Владимир?

СТЕПАН. Отказались!

Отсутствие Владимира не даёт покоя Сесиль Жаме. Она в потря-

сающем утреннем туалете. Голубое платье на ней буквально «залито» стеклярусом.

Его превосходительство милостиво вкушает от всех благ земных. Немец, успевший справиться себе новый сюртук, от него не отстаёт. Выглядит он даже вполне прилично.

За столом тоска.

Входит лакей.

СТЕПАН. Господа Глыбовы-с!

...Василий Андреевич, всегда и всё знающий, не вытерпел – явился с семейством посмотреть, что к чему.

Аленев искренне рад: разрядка!

АЛЕНЕВ. Позвольте представить: мой сосед Василий Андреевич Глыбов!

ВЕРТЕНИН. Очень рад!

АЛЕНЕВ. А это его жена Татьяна Николаевна и дочь – Варвара Васильевна!

ВЕРТЕНИН. Очень-очень приятно!

Его слова больше обращены к Вареньке, которую он рассматривает с явным интересом, что называется, «положил глаз на неё». Жаме, подняв брови, также рассматривает барышню в смешном готовом (!) платье вчерашней моды, но с косой и ресницами в полщеки. Барышня ей не нравится. Сесиль успела угоститься наливкой, и глаза её опасно поблескивают.

Варенька видит, кто перед нею (Сесиль Жаме – знаменитая актриса!) и камнеет... Сесиль снисходительно улыбается.

АЛЕНЕВ. Прошу к столу, господа!

Рассаживаются заново. Лакей выносит жаркое.

Но Владимира по-прежнему нет. Через какое-то время Жаме (тяпнув ещё пару рюмок) капризно заявляет:

ЖАМЕ. Господа, здесь душно! Я выйду подышать воздухом... он так здесь свеж! Миль пардон!

Фон Ленау провожает её глазами, и в них явственно происходит некая догадка. После этого ему тоже не сидится на месте, но он не знает как быть?

Немец видит некую тень, маячащую на веранде. Улучив момент, выходит, вроде бы покурить на воздухе.

Там Полина. Подтянутая и бесстрастная, как всегда. Он подходит

к ней, достает сторублёвку. Времени на обиняки у него нет, идёт в открытую.

ФОН ЛЕНАУ. Сейчас твоя госпожа отыщет этого... Вольдемара! Тебе лучше знать – зачем. Когда они встретятся, абер... неважно! Приведи туда барышню Глыбову. Ферштейн? Поняла?

Полина молча берёт деньги и исчезает.

...Жаме находит Владимира в садовой беседке. Он один, и завтрак его не интересует. Беседка обвита диким виноградом, место укромное.

Сесиль с преувеличенной страстью, как на сцене, кидается к нему навстречу, готовая обнять:

ЖАМЕ. О, Вольдемар! Я так страдала! Мне так трудно было добиться нашей встречи! Этот браслет... я не снимала его ни на мгновение! Память сердца.

ВЛАДИМИР. Даже в постели его превосходительства?

Спрашивает он иронически и спокойно, и она – чутьём! – понимает, что перед нею – другой человек. Не мальчик в мундире с белой подкладкой...

Меняет тактику.

ЖАМЕ. Вольдемар, жестокий! Ведь я – зависима, я – актриса! Иногда... да, только иногда, мы все идём на уступки, надо жить! Но сердце-то остаётся, и его я вольна отдать только любимому!

Опять пытается обнять его, но он отстраняется бесповоротно.

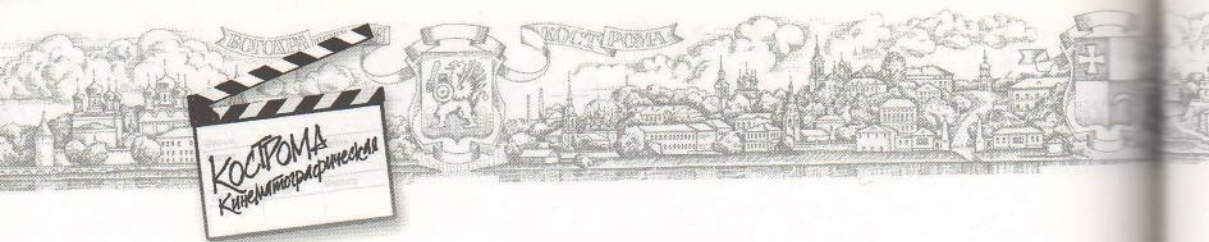
ВЛАДИМИР. Полагаю, мне вы его предлагать больше не станете: мы разорены! Отец вложил всё состояние в Орловско-Курский банк. А сейчас все остатки средств пустил на добычу алмазов. Но это же невозможно! У нас – алмазы! (горько усмехается) Так что вам нечего с меня взять! Ву компрене?

У Сесиль опускаются руки, лицо гаснет и стареет, как это у неё бывает всегда. Он смотрит на неё с печальной мудростью, улыбается, берёт руку и целует браслет.

ВЛАДИМИР. Это я целую не вас, а своё прошлое, которое, увы, не вернётся! Когда-то вы казались мне полубогиней...

Она гладит его голову. На глазах искренние слёзы разочарования... и огромной усталости!

Именно в эту секунду Полина чуть не силком подталкивает Вареньку к задней стенке беседки. Та смотрит, отшатывается, тихо ахнув, и бежит прочь, неведомо куда.

...Общество, накушавшись, грузится в коляски, чтобы ехать смотреть алмазные разработки. Ни Вареньки, ни Владимира нет. Жаме возле Вертенина, на ней ни следа от только что происшедшего свидания.

Евлампия Ильинична и Татьяна Николаевна устали и обе встревожены, каждая – своим. Мужчины полны энтузиазма.

ВЕРТЕНИН. Хорошо-хорошо! Убедил, Пётр Афанасьевич! Благодарю на доброе дело...

ГЛЫБОВ. (с сомнением) Но чтобы у нас... алмазы?

ВЕРТЕНИН. Пусть ищет! Найдёт, и нам выгода!.. А перед кредиторами, Пётр Афанасьевич, я, так и быть, замолвлю словечко... Слышал-слышал про твои неприятности!

АПЕНЕВ. Вот за это спасибо, Валериан Евграфович!

ВЕРТЕНИН. Месяца два-три у тебя есть... Ну, вези, показывай свои алмазные копи! (грубо и самодовольно хохочет)

Фон Ленау рядом, услужлив перед ними.

Глыбов задумывается: «Эко оно как обернулось!»

...Варенька, сама того не зная – зачем – скорой походкой идёт к Глыбищам. Тут на подступах довольно густой лес. Из-за дерева возникает Фон Ленау. Похоже: шёл в Глыбовку. Решился! Невероятно рад:

ФОН ЛЕНАУ. Варвара Васильевна! Барбхен! Их бин глюклих! Какая удача: вас встретил! А я шёл к вам!

ВАРЕНЬКА. (удивлённо) Вы?... Ко мне?..

На её лице выражение страха, но в эту минуту она вспоминает совет Настюши.

(голос Насти за кадром: «Когда их злишь, то они ещё страшнее и опаснее становятся!»)

Варенька останавливается и вымученно пытается улыбнуться немцу. Тот воспринимает это как знак одобрения.

ФОН ЛЕНАУ. Да!.. Я всю жизнь готов идти только к вам! Барбхен, либлихе, выслушайте меня! Вы ничего не понимаете, не знаете! Вот смотрите!

Фон Ленау быстро достаёт из-за пазухи заветную «пятёрку», протягивает ей. Варенька держит дивные алмазы на ладони, на миг зачарована их сиянием.

Воспользовавшись этим, Фон Ленау продолжает:

ФОН ЛЕНАУ. Вот оно, сокровище! Пять одинаковых алмазов –

это такая редкость! Горы других алмазов! Я нашёл их в Африке, мне удалось бежать. Я долго скитался по свету, пока не оказался здесь, в России. И встретил тебя! Барбхен, мы будем богаты! А он... тот... ничто! Нищий! Добыча алмазов – ерунда! Я всё это устроил. Это мой хитрый план: нужно было, чтобы здесь начали искать алмазы. А дальше всё просто: я их разорю, выкуплю этот ненужный кусок земли и смогу спокойно, легально, вновь найти свою пятёрку. И все этому поверят! В России слабые законы, это возможно!.. Тебе они нравятся, Барбхен!? Они будут наши! Ты одна... ты одна меня оценила и поняла, что барон фон Ленау – тоже человек!

Во время этого разговора фон Ленау всё больше и больше распаляется, приближается к Вареньке. Она испуганно пятится, пока за её спиной не оказывается ствол дерева. Фон Ленау забирает у неё алмаз. Варенька послушно отдаёт. Она оцепенела, она в ужасе. Кругом ни души, тёмный лес!

ФОН ЛЕНАУ. О, моя Барбхен! Их либе дих!

Немец вовсе теряет голову, хватает Вареньку и начинает жадно целовать. Она отбивается и отчаянно кричит:

ВАРЕНЬКА. Помогите!

Из-за деревьев появляются двое: Настюша и такой здоровенный мужик, что и взглянуть страшно.

Гигант молча берёт немца за шкуру, легко отрывает от девушки и закатывает ему отменную плюху. Тот кубарем катится неведомо куда...

Настюша тормозит беспомощную Вареньку.

НАСТЯ. Барышня, господи, грех-то какой! Ах, он, подлец! Мало ему Архип отвесил, больше надо!

Архип с готовностью поворачивается, чтобы «добавить», но немца и след простыл.

ВАРЕНЬКА. (бормочет как в бреду) В Аленьку! Сказать... Предупредить... Скорее!

Архип просто берёт её на руки и несёт, ни на что не обращая внимания.

Настюша семенит рядом, всплёскивая руками:

НАСТЯ: Грех-то, грех-то какой! Недоглядела!

КОНЕЦ ПЕРВОЙ СЕРИИ